

**МЕМУАРЫ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО)
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ НА ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (ХОЛМСКИЙ ВОПРОС)**

Циунчук Рустем Аркадьевич,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
Rustem.Tsiunchuk@kpfu.ru*

Аннотация. Статья рассматривает изданные в Париже в 1947 году мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского, 1868–1946 годы), бывшего в 1905–14 годах епископом (архиепископом) Холмским, членом Второй и Третьей Государственной думы Российской империи в качестве источника изучения этноконфессиональных отношений в одной из самых сложных зон культурного контакта и конфликта Российской империи – Холмском крае в конце XIX – начале XX века (до Указа о вероотерпимости 17 апреля 1905 года). Рассматривается предыстория Холмского вопроса, последствия принятия Брестской унии 1596 и и упразднения греко-католической церкви в польских губерниях в 1875 году. Прослеживается специфика национально-конфессиональной политики властей Российской империи и Русской православной церкви в Западном крае в контексте противоборства с польским влиянием и двойственность правительственного курса в этом регионе с акцентами не только на поддержку вероисповедальной, но и языковой /этнической идентичности в дискурсе католики – православные – униаты / поляки – русские – украинцы.

Ключевые слова: международные отношения, исторические источники, мемуары, Евлогий (Георгиевский), Российская империя, Холмский край, Брестская уния, русско-польско-малороссийские отношения, православно-католическо-униатские взаимоотношения, этноконфессиональная идентичность.

Проблема репрезентативности привлекаемого корпуса источников является ключевой для любого серьезного исследования. Это особенно важно при обращении к проблемам межконфессиональных отношений и межнационального взаимодействия в зонах этноконфессиональных контактов и конфликтов в переломные эпохи реформ и революций в Российской империи. Уникальным источником по этим проблемам являются написанные в эмиграции мемуары представителя высшего духовенства дореволюционной России митрополита Евлогия [2], которые лишь в последние десятилетия начали привлекаться отечественными исследователями.

Представляется целесообразным выявить потенциал использования таких источников на примере мемуаров митрополита Евлогия, в миру Василия Семеновича Георгиевского, (1868–1946) – видного русского церковного иерарха, известного миссионера, общественно-политического деятеля. Он обучался в Белевском духовном училище, Тульской духовной семинарии Московской духовной академии, которую окончил в 1892 году. Его карьера была весьма

успешной и после служения преподавателем в Тульской духовной семинарии, был рукоположен в диаконы, затем в архимандриты и в 29 лет был назначен ректором Холмской духовной семинарии в Люблинской губернии. В 1905–1914 годах Евлогий служил епископом (архиепископом) Холмским и Люблинским (1907–1912), в 1914–1917 годах архиепископом Волынским и Житомирским, избирался во II и III Государственные думы.

В 1921 году – временно управляющим православными русскими церквами в Западной Европе, с 1922 года – митрополит, в 1925–1946 годах – основатель и ректор православного Богословского института в Париже, с 1945 года – экзарх Русской православной церкви в Западной Европе [5, 179–180].

Митрополит Евлогий обратился к мемуарам в середине 1930-х годов, находясь в Париже. В это время радикально изменился существовавший до 1917 года мир, рухнули империи, на Востоке Европы появились новые государства с новой этноконфессиональной (или атеистической – в СССР) политикой. Уже были известны результаты тщетных попыток создания в поздней Российской империи «большой русской нации», государственных и церковных усилий по ликвидации Греко-католической церкви, проекта организации из «православных» уездов польских губерний новой Холмской губернии вне Царства Польского. Возможно, поэтому в воспоминаниях Евлогия звучат и критические нотки в отношении части государственной бюрократии и церковных православных иерархов, признание некоторых ошибок и просчетов, хотя, как видим из мемуаров, в целом, митрополит Евлогий в середине 1930-х стоял на тех же мировоззренческих и политических позициях, как и раньше.

Его воспоминания «Путь моей жизни» были записаны с его слов писательницей-эмигранткой Татьяной Ивановной Манухиной на основе еженедельных бесед, продолжавшихся с 1935 до весны 1938 года. В предисловии она писала, что рассказы Евлогия отличались художественностью изображения, образностью, логической связанностью, отмечая, что для уточнения некоторых подробностей привлекались исторические работы и архивные источники. Закончив работу над этими воспоминаниями в 1938 году, Евлогий во время войны и германской оккупации записывать уже ничего не захотел и просил до смерти никому о них даже не говорить.

Через год после смерти митрополита Евлогия, в 1947 году, его воспоминания были изданы в известном эмигрантском издательстве Ymca-press. Это обширное издание, исполненное в дореволюционной орфографии, объемом в 678 страниц, сопровождалось 15 иллюстрациями и первоначально было известно только зарубежному читателю. В постсоветский период оно было переиздано, с изменением орфографии и некоторыми сокращениями, но без научных комментариев и в таком виде ныне доступно также и в интернете. Эти интереснейшие воспоминания, как правило, используются историками Русской православной церкви и Русской зарубежной православной церкви, чаще всего как справочно-биографический материал [3, 82–91; 6, 116–123]. В последнее десятилетие мемуары Евлогия, связанные с его религиозной и общественно-политической деятельностью в польско-украинском пограничье, довольно активно привлекались польскими исследователями [10; 11, 53–76; 12; 14; 15, 177–196; 16], но, на наш взгляд, редко пользуются достаточным вниманием со стороны российских [4, 157–175; 7; 8, 188–197], а также украинских историков [7], исследующих этноконфессиональные проблемы поздней Российской империи.

Структурно воспоминания «Путь моей жизни» разделены на 23 главы, причем первые восемь (не очень объемные) охватывают первые 29 лет жизни автора, когда он жил, учился и служил в губерниях Центральной России. Семь следующих обширных глав воспоминаний раскрывают жизнь и деятельность Евлогия в восточных губерниях Царства Польского и губерниях Украины. В настоящей статье остановимся лишь на разделах воспоминаний, касающихся проблемы этноконфессиональных отношений в Холмской зоне этноконфессионального культурного контакта и конфликта в конце XIX – начале XX века, до событий революции 1905 года и до изменений в этноконфессиональной сфере, связанных с Указом о веротерпимости 17 апреля 1905 года.

Описывая свое первое путешествие в Холм через Варшаву, Евлогий отмечал немалые различия: «Извозчики, упряжь, говор, люди какой-то особой складки... – все иное, все по-другому, чем у нас. Новый, неведомый мне край. Своего рода заграница». Сам же Холм оказался маленьким уездным городком «с польско-еврейским населением, с налетом польской культуры и на русских горожанам» [2, 97]. Однако в своем описании Холма и Холмщины Евлогий сделал упор на исторические предания, исторические реликвии, памятные места и здания, подтверждающие принадлежность Холмского края и его населения православной Руси. Он упоминал «историческое предание» об основании Холма князем Владимиром, строительство по его приказу церкви и пожертвование ей греческой иконы Божьей Матери, которая, по словам мемуариста, «явилась историческим знаменем Холмщины». Важным местом исторической памяти в Холме для Евлогия был и насыпной холм, где «когда-то стоял дворец кн. Даниила Романовича Галицкого» и были обнаружены при раскопках «мозаичные полы, предметы домашнего обихода и проч.» [2, 94]. Мемуарист сообщал, что именно на вершине этого холма в 1884 году была поставлена «красивая как бонбоньерка церковь в память воссоединения Холмских униатов с православием в 1875 году». По словам мемуариста, «когда образовалась новая Польша, она почему-то полякам помешала, и они (говорят в четверг Страстной недели) взорвали ее динамитом, как и много других храмов в Холмщине» [2, 95]. По другим сведениям, она была разобрана до фундамента в 1921 году.

Вновь обращаясь в мемуарном источнике к давней истории русско-польских отношений, Евлогий использовал научную терминологию начала XX века, подчеркивая, что Холмщина не являлась частью Польши, а «примыкала к этнографической польской границе», при этом «население ее были малороссы». Мемуарист ретроспективно сопоставил несколько этапов конфессионального противоборства, первый из которых он обозначил XVI–XVII веками, «тяжелыми временами для народа», когда «он долго боролся за свою религиозную свободу, за православие». Католическую церковь этого периода он называл «могущественным фактором польской национальной политики», отмечая, что в XVII веке местная аристократия из-за государственных выгод переходила в католичество. Среди таких местных родов он называл графов Шептицких (одним из видных представителей этого рода был граф Андрей Шептицкий (1865–1944), предстоятель Украинской греко-католической церкви в 1900–1944 годах), князей Пузына, графов Потоцких, князей Святополк-Четвертинских. Впоследствии, по его образному выражению, верными православию остались только «хлоп да поп». Затем начали «морально обессиловать высшее православное духовенство», чтобы за ним пошел и простой народ, и в 1596 году в Бресте епископами Кириллом Терлецким,

Игнатием Поцеем, изменившими православие, была подписана уния и произошел «переход Холмщины в унию».

Второй период противоборства двух ветвей христианства Евлогий связывает с разделами Польши, когда пошла «обратная волна» и «сначала Подолье, Волынь потом Литва (1839)» вышли из унии.

Третьим периодом можно считать 1875 год, когда Холмщина, относившаяся к польским губерниям, «потянулась к своему исконному родному православию», подав Александру II «петицию о воссоединении с православной церковью» [2, 95].

Обобщая эти исторические повороты в своих воспоминаниях и признавая сложность «религиозной народной жизни Холмщины», Евлогий соглашался, что в ней «скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, последствия разных культурных наслоений», все же проводил противопоставление: «Руси и православия», оценивавшийся «как исторический фундамент» прошлого этого края – «Польше и католичеству в виде унии – как дальнейшему наслоению, заглушавшему первоначальную стихию народной жизни и изломавшее душу народа, его язык, быт и весь уклад» [2, 95–96]. Он использовал для характеристики этого христианского населения Холмщины противоречивый образ: «прекрасный народ с сильным религиозным чувством», но «с изломанной душой» [2, 96]. Такая формула была не нова, она, например, перекликалась с заявлением в III Государственной думе в 1911 году при обсуждении вопроса об организации Холмской губернии организатора Галицко-русского общества националиста графа В.А. Бобринского, что Холмщина «это особенно больной и истерзанный русский край» и требуется «особенно внимательно и бережно его лечить», для того «чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, т. е. Русью» [1, 2745, 2746].

Символами многовекового конфессионального конфликта в воспоминаниях Евлогия не раз упоминаются храмы и монастыри, которые переходили в разные периоды от одной конкурирующей церкви к другой. Острая проблема принадлежности памятников религиозного зодчества и целых монастырских комплексов становилась актуальной с изменением государственных границ. Евлогий сравнивает два монастырских комплекса: православную Успенскую Почаевскую лавру (Успенская Почаевская лавра находится в Тернопольской области Украины, принадлежит Украинской Православной Церкви Московского Патриархата) и находящийся неподалеку римско-католический доминиканский монастырь в Подкаменье, который мемуарист называл униатским (бывший доминиканский монастырь, а ныне монастырь Украинской греко-католической церкви находится в Львовской области Украины). Евлогий называет Почаевскую лавру «бывшим униатским гнездом», доставшимся после второго раздела Польши. С 1713 года монастырь был василианским греко-католическим и был передан Русской православной церкви после польского восстания 1831 года, а Николай I, по его словам, определил его положение над крутым обрывом словами «дерзкая постройка» [2, 90]. С холма виден и «галицийский монастырь Подкаменье» (строительство каменных сооружений доминиканского монастыря в Подкаменье шло с начала XVII века), Евлогий полагал, что он был основан после утраты униатами Почаевской лавры и что доминиканцы даже попытались скопировать в Подкаменье и связать с народной легендой о посещении этого места Богородицей ритуальную почаевскую святыню – выемку в форме левой ступни, а скаплива-

ющуюся в ней воду население считает целебной [2, 90]. Идеологически и визуально противостоявшие друг другу два монастыря находились на русско-австрийской границе и, по свидетельству Евлогия, «галичане-униаты, всегда тяготевшие к вере отцов – православию, легко перебежали через границу на поклонение Почаевской святыне» [2, 91] [Почаевской иконе Божьей Матери – Р.Ц.]. Он не указывает, принимали ли после такого паломничества к иконе Почаевской Божьей матери галичане православие или продолжали оставаться униатами.

Евлогий отмечал, что «огромное значение для местной народной жизни» имели женские монастыри, главным из которых была Леснинская обитель (Леснинский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в Лесне Подляшской. Седлецкой губернии), бывший католический монастырь паулинов, закрытый после восстания 1863 года [2, 110]. С 1919 года вновь паулинский монастырь в Люблинском воеводстве Польши.

Как известно, Евлогий был благочинным этих монастырей. Настоятельница Леснинского монастыря матушка Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская) способствовала тому, что Леснинский монастырь стал «рассадником женского монашества в Холмщине», где сначала силами Леснинской обители были организованы и действовали целых пять женских православных монастырей [2, 113–114]: Вировский (основан в 1894 году с перестройкой Вировского костела в церковь и организацией женского Вировского монастыря, ныне не действующий монастырь находится в Мазовецком воеводстве Польши), Теолинский (основан в 1894 году в усадьбе и зданиях, принадлежащих Теолинскому римско-католическому костелу в Сувалкской губернии, ныне в Гродненской области Беларуси), Радочницкий (основан 1899 году а месте бывшего бернардинского монастыря, затем униатского храма, около города Замосьць, ныне вновь бернардинский монастырь в Люблинском воеводстве Польши. Красно-стокский (Красностокский/Ружаностокский монастырь, был переведен в 1900 году из Гродно, занял строения доминиканского монастыря, закрытого в 1866 году, ныне католический салезианский монастырь в Подляском воеводстве Польши) и, наконец, уже при епископстве Евлогия – Турковицкий (Православная церковь в Турковицах, существовавшая до подписания Брестской унии, позднее стала базилианским монастырем, а с 1903 года Турковицкий монастырь был основан как часть Радочницкого монастыря, ныне православный монастырь в Люблинском воеводстве Польши). По свидетельству Евлогия, в Леснинском монастыре были аптеки, больницы, сиротские приюты, школы, сельско-хозяйственные женские училища, церковно-учительская семинария, опытные образцовые хозяйства, которые стали примером для этих новых обителей, развивавших культурно-просветительную и благотворительную деятельность среди местного населения [10, 75–78]. Евлогий вспоминал, что он всячески поддерживал настоятельницу Леснинского монастыря и настоятельниц других обителей, поскольку полагал, что их общественная деятельность была «особой формой проявления любви к Богу и ближнему, в соответствии с духом времени и нуждами местного населения» [2, 122]. Высочайшей покровительницей этих монастырей на польско-украинско-белорусско-русском пограничье была императрица Александра Федоровна [13, 32]. На это указывал и митрополит Евлогий в своих мемуарах, когда цитировал слова императрицы во время его представления ей уже как члена Государственной думы: «Вы помните наше посещение Леснинского монастыря? – Не правда ли, какой там чудный детский мир» [2, 113].

Евлогий высоко оценивал поддержку товарищем обер-прокурора Синода, влиятельным правым сенатором В.К. Саблером, деятельности Евлогия на западной окраине: в декабре 1902 года он был назначен епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии [2, 124]. В торжественной своей речи при посвящении в Холмские епископы Евлогий в январе 1903 года обращал внимание на проблему православно-католическо-униатских взаимоотношений: «...Непризнанные глашатаи лжеименного разума стараются похитить у нашего бедного прекрасного народа самое драгоценное и священное его сокровище – святую веру православную и подменить ее разными безумными измышлениями сектантскими. Наша многострадальная западнорусская, и в частности Холмская, Церковь вот уже много веков терпит тяжкие удары от своих отпавших братьев. С глубокою скорбью и тугою сердечною смотрит она на целые тысячи несчастных жертв злополучной униии, которые и доселе пребывают в своем темном упорстве, ибо лежащее на сердцах покрывало вековых заблуждений не позволяет воссиять в них свету истины Христовой» [2, 130].

Впрочем, в середине 1930-х годов Евлогий в своих воспоминаниях признавал, что «при воссоединении было допущено много ошибок» и когда в дело «вмешалась администрация: губернаторы, полиция... стали народ загонять в православие» и многие местные «приходы переходили фиктивно; появились так называемые “упорствующие” – лишь на бумаге православные люди, а по существу те же униаты» [2, 95]. Вспоминая свою религиозно-политическую деятельность в Холмском крае в конце XIX – начале XX века среди местного малороссийского/украинского населения, он говорил: «Я будил национальное чувство, постепенно его раскачивал; может быть и грешил, может быть и перегибал, но что делать с народной беспамятностью, когда он забыл о своем русском корне и на вопрос: где вы живете?» наивно отвечал: «В Польше...» [2, 149].

В следующих разделах воспоминаний Евлогий повествует, как руководствуясь желанием повлиять на этноконфессиональную ситуацию в Холмщине, он уже во время первых думских выборов 1906 года смог добиться через высшую столичную бюрократию создания единственного в своем роде в российской избирательной системе Холмского избирательного православного округа, а в 1909–1912 годах, будучи уже и депутатом Государственной думы, стал самым деятельным проводником идеи создания Холмской губернии и выделения ее из состава Польши [8, 188–197], что и было осуществлено в 1912 году накануне Первой мировой войны.

Таким образом, мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского), являясь оригинальным историческим источником, содержат весьма интересный материал, дополняющий сложнейшую картину этноконфессиональных отношений в польско-украинском пограничье, а также историю российской государственной и церковной политики в Холмском крае на рубеже XIX–XX веков.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070.

Литература

1. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. 1. – СПб., 1911.
2. Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия. – Paris: Ymca-press, 1947. – 678 с.
3. Можаяева Л.А. Политика вошла в Церковь. Митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) / Л.А. Можаяева // История в подробностях. – 2014. – № 7 (49). – С. 82–91.
4. Попов А.В. Мемуары Митрополита Евлогия как источник по истории российского православного зарубежья / А.В. Попов // Вестн. Архивиста. – 2006. – № 2–3. – С.157–175.
5. Ромов Р.Б. Евлогий / Р.Б. Ромов // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – С.179–180.
6. Струве Н.А. Митрополит Евлогий (1868–1946) / Н.А. Струве // Белевские чтения. – Вып. 3. М., 2003. – С. 116–123.
7. Федорик Ю. Православное духовенство в Царстві Польскому в 1875–1905 роках / Ю. Федорик. – Донецьк, 2013. – 349 с.
8. Циунчук Р.А. Холмский вопрос в Государственной думе: католики – православные – униаты/ поляки – русские – малороссы / Р.А. Циунчук //Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научн. ст. Ч. 1. – СПб., 2014. – С. 188–197.
9. Южаков Р. Евлогий (Георгиевский) / Р. Южаков // Золотая книга эмиграции Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 228–230.
10. Dmitruk S. Żeńskie monasteria prawosławne na terenie Królestwa polskiego na przełomie XX i XIX w. / S. Dmitruk // TeKa Komisji Historycznej. Oddział PAN w Lublinie. T.VI. Lublin, 2009.
11. Latawiec K. Duchowieństwo soboru prawosławnego w Chełmie w latach 1876–1905 / K. Latawiec // Rocznik Chełmski. T. 11, Chełm, 2007. S. 53–76.
12. Osadczy W. Święta Ruś. Rozwój i addziaływanie idei prawosławia w Galicji / W. Osadczy. – Lublin, 2007.
13. Pawluczuk U. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej / U. Pawluczuk. – Białystok, 2007.
14. Szabaciuk A. “Rosyjski Ulster” Kwestia Chełmska w polityce Imperialnej Rosji w latach 1863-1915 / A. Szabaciuk. Lublin, 2013.
15. Wiczorkiewicz P. Biskup Eulogiusz i oderwanie Chełmszczyzny od Królestwa Polskiego / P. Wiczorkiewicz // Historia XIX i XX wieku. Studia i szkice Wrocław, 1979.
16. Wrzyszc A. Gubernia Chełmska. Zarys ustrojowy / A. Wrzyszc. – Lublin, 1997.